...АЛЬНАЯ
...МЯТЬ
...ШЧИНА.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

8.

Стр.
409. Переписка графа **С. А. Салтыкова** съ **Ѳеофаномъ Прокоповичемъ** и другими архіереями. 1733—1735.
417. Переписка **его же** съ **архимандритомъ Варлаамомъ** и **императрицею Анною Іоанновной.** 1732—1736.
442. Прошеніе **Ирины Болтиной** императрицѣ Екатеринѣ II-й. 1796.
444. Письма **И. П. Тургенева** къ Д. П. Трощинскому. 1801—1802.
449. Докладная записка **Д. П. Трощинскаго** императору Александру о скопцѣ Селивановѣ. 1802.
450. Донесеніе **графа И. П. Салтыкова** императору Александру о Свищовѣ. 1802.
451. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1815-й годъ.
477. „Изъ моей старины". Воспоминанія **князя А. В. Мещерскаго.** 1838—1839.
488. Записки **М. С. Сабининой.** 1853-й годъ.
518. Новая погудка на старый ладъ (о „Татьянѣ" Пушкина). **Н. О. Лернера.**
523. Происхожденіе А. А. Фета. Статья **Н. Н. Черногубова.**
537. Баратынскій и Сальери. **В. Б.**
546. Поэзія В. С. Соловьева. Статья **В. Я. Брюсова.**
555. Графиня О. И. Орлова-Давыдова. (Изъ письма о ней **И. С. Аксакова**).
559. Изъ воспоминаній **графа Г. И. Ностица** (о Польскомъ мятежѣ 1863 г.).
572. Графъ Владиславичъ о Китаѣ въ XVIII вѣкѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ *).

1853-й годъ.

3-го Января вечеромъ я была у фрау Швендлеръ, рожденной Шлабендорфъ. (Эта интересная и умная старушка скончалась шесть недѣль послѣ этого). Присутствовалъ Гётце, который чудно пѣлъ, особенно Шуберта; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ теноровъ, которые придерживались отличной школы Гарчіа. Тутъ же была Луиза Сейдлеръ, Веймарская придворная художница, и она показала намъ головку Гизеллы Арнимъ, которую нарисовала гуашными карандашами для своей собственной портретной коллекціи. Какъ ученица Овербека, она владѣла чистымъ, правильнымъ контуромъ и на карандашный рисунокъ мягко накладывала нѣсколько оттѣнковъ красокъ à la Greuse. Въ то время уже почтенная старушка, она жила воспоминаніями о прошломъ и любила разсказывать о времени, проведенномъ ею въ Римѣ съ Овербекомъ, о Веймарѣ и о созвѣздіи поэтовъ, въ особенности о Гёте, который болѣе другихъ ей покровительствовалъ. Она всегда носила подъ чепцомъ гладкую повязку à la Angelica Kaufmann, а платье носила съ разными складками и буфами, что̀ соотвѣтствовало ея художественному вкусу и придавало ей артистичный видъ. Луиза Сейдлеръ получала скромную, но уютную казенную квартиру въ домѣ, гдѣ помѣщалась наша рисовальная школа, и наша великая княгиня не забывала облегчать ея скромное существованіе.

6-го Января. На балу у Фогеля я познакомилась съ Вальтеромъ Ф. Гёте, однимъ изъ внуковъ великаго поэта. Единственный сынъ послѣдняго (о которомъ лучше не вспоминать) оставилъ двухъ сыновей: Вальтера—музыканта и композитора, и Вольфа, поэта-любителя, и одну дочь Альму, идеальное существо, которая во цвѣтѣ лѣтъ скоропостижно скончалась въ Вѣнѣ, что̀ вызвало массу самыхъ нелѣпыхъ толковъ. Братья ея съ гордостью носили фамилію своего знаменитаго дѣда; но она лежала на нихъ тяжкимъ бременемъ, такъ какъ всякій, увидавъ

*) См. выше, стр. 113.

ихъ, искалъ въ нихъ остатка дарованій, или слѣдовъ гигантскаго ума Гёте; между тѣмъ это были самые невинные, добродушные и очень некрасивые молодые люди. Они остались наслѣдниками бумагъ и коллекцій Гёте и всего его богатаго литературнаго и художественнаго имущества. Оба брата скончались холостыми, а съ нимъ вмѣстѣ угасъ и родъ, по прямой линіи, знаменитаго поэта. Вольфъ, пережившій своего брата, завѣщалъ домъ своего дѣда со всѣми его бумагами и коллекціями гросъ-герцогинѣ Софіи Саксенъ-Веймарской. Трудно было бы передать ихъ въ болѣе достойныя руки; она лично пересматриваетъ и перечитываетъ все для выбора къ образованію музея имени Гёте.

8-го. Листъ привелъ къ намъ нашего соотечественника, И. Ѳ. Нейлисова, ученика Гензельта, поселившагося въ Веймарѣ, чтобы дальше работать подъ руководствомъ Листа. Это блѣдный, худой, тихій молодой человѣкъ, отличный піанистъ, который скромно и незамѣтно продолжалъ свои занятія. Листъ называлъ его «le chevalier de Merseburg», такъ какъ нѣсколько лѣтъ сряду городъ этотъ имѣлъ для него особую притягательную силу. Когда обстоятельства заставили его отказаться отъ поѣздокъ въ Мерзебургъ, И. Ѳ. сталъ очень грустнымъ и болѣзненнымъ.

Въ концѣ Января начались репетиціи «Ромео и Джульэтты» Берліоза. Онъ удивительно дирижировалъ, держа въ своихъ рукахъ всѣхъ участвовавшихъ. Онъ настойчиво требовалъ точнаго исполненія малѣйшихъ предписаній ритма и чистоты. На одной репетиціи литаврщики не сочли нужнымъ строго выполнить свою задачу; онъ отправился къ нимъ и до тѣхъ поръ повторялъ, пока не былъ устраненъ малѣйшій изъянецъ. Легко можно себѣ представить, что это не всегда приходилось по вкусу исполнителей; неудовольствіе ихъ иногда доходило до открытаго попозновенія воспротивиться такому строгому руководителю. Въ подобныхъ случаяхъ Листъ не щадилъ словъ и сравнивалъ лѣниво и плохо исполнявшаго съ извѣстнымъ домашнимъ животнымъ. Берліоза, какъ направника оркестра, характеризовали тонкость и изящество, ритмъ и самое точное исполненіе всѣхъ находящихся въ партитурѣ знаковъ.

Въ то время Веймарская капелла лишилась своего лучшаго украшенія, геніальнаго артиста Іоахима, котораго король Ганноверскій назначилъ своимъ капельмейстеромъ. На мѣсто Іоахима поступилъ Фердинандъ Лаубъ, отличный скрипачъ изъ Чеховъ*). Такихъ двухъ артистовъ, какъ Іоахимъ и Лаубъ, не слѣдуетъ никогда сравнивать между собою. Понятно, что при сравненіи Іоахимъ всегда выдвинется впередъ,

*) Лаубъ—Чешское произношеніе слова *лобъ*. П. Б.

какъ первоклассная звѣзда: его высокохудожественная игра не подлежитъ никакому сравненію; онъ—явленіе столѣтія. Но Лаубъ, какъ самостоятельный артистъ, считался въ ряду лучшихъ Германскихъ скрипачей. Изъ Веймара онъ поступилъ профессоромъ въ Мюнхенскую Консерваторію.

4-го Февраля пѣли 8-й псаломъ, сочиненіе нашей великой княгини; онъ написанъ въ строгомъ стилѣ и мелодиченъ. По просьбѣ нашей великой княгини, Листъ согласился отъ времени до времени заставлять пѣть у него нашихъ новоприбывшихъ четырехъ Русскихъ придворныхъ пѣвчихъ. Но вскорѣ онъ убѣдился, что, благодаря упрямой рутинѣ, ничего съ ними нельзя подѣлать: они учились пѣть не сознательно, а машинально пѣли, и невозможно было ихъ убѣдить, что работать слѣдуетъ сознательно, а не безсмысленно и машинально.

5-го Февраля Листъ пришелъ и, по окончаніи спѣвки съ ними, заставилъ меня играть. Я отличалась рѣдкой для женщины физической силой, такъ что безо всякихъ усилій могла поднять нѣсколько пудовъ, и это отражалось на моей игрѣ. Листъ нашелъ, что я не достигаю того, чего могла бы достигнуть съ моей громадной силой, если бы нѣжная игра у меня была болѣе развита. Съ тѣхъ поръ я главнымъ образомъ направила свое вниманіе на достиженіе этого пробѣла въ моей игрѣ. Листъ очень напиралъ на то, чтобы я продолжала развивать мой талантъ, и обѣщалъ заниматься со мною. Разумѣется, я съ благодарностью приняла его любезное предложеніе, получивъ на то разрѣшеніе родителей, и рѣшилась всецѣло отдаться музыкѣ. Меня и трудно было бы удержать отъ моего влеченія къ ней: я жила только для музыки и бредила только ею. Все, что̀ я слышала, и столько хорошаго, все болѣе возбуждало во мнѣ желаніе работать на этомъ поприщѣ, хотя меня сильно привлекало и рисованіе. Чтобы не терять практики и въ этомъ, я продолжала заниматься нѣсколько часовъ въ недѣлю у профессора Мартерштейга.

Рукодѣльныя и домашнія работы я была пріучена исполнять еще съ четырехлѣтняго возраста, но многихъ слезъ онѣ мнѣ стоили, особенно вязанье и шитье: мои неуклюжія руки никакъ не поддавались этимъ занятіямъ, такъ что, наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ, моя мать, видя, что со мной ничего не подѣлаешь, махнула рукой и требовала только, чтобы я держала въ порядкѣ свой собственный гардеробъ. Я очень рада была этому рѣшенію, потому что за какихъ-нибудь 15 копеекъ въ день швея обшивала меня и исправляла всякія погрѣшности въ моемъ туалетѣ, а я собственными трудами могла заработывать сколько хотѣла, такъ какъ меня упрашивали давать уроки; но и на это я назначила себѣ извѣстное число часовъ, сверхъ котораго не

переходила. Давать же уроки музыки я считала дѣломъ необходимымъ, входящимъ въ общее музыкальное образованіе, потому что, уча другихъ, сама учишься.

Я продолжала изучать теорію музыки, вела довольно обширную переписку, отнимавшую у меня немало времени; въ тоже время и обширный кругъ друзей и знакомыхъ, избравшихъ меня своей руководительницей для частныхъ музыкальныхъ вечеровъ, гдѣ мы вмѣстѣ играли и пѣли, также немало занималъ моего времени. Ежедневно я аккомпанировала моей подругѣ Тони фонъ-Гопфгартенъ (впослѣдствіи ф.-Шеве, въ Мекленбургѣ), которая отлично пѣла; благодаря этому, я основательно изучила всѣ появлявшіяся въ то время вещи для пѣнія и все, что̀ существовало стараго. Благодаря хорошимъ урокамъ пѣнія, которые я брала у Кнауста, Ф. Гётце и Софи Шлоссъ, я понимала, какъ слѣдуетъ обращаться съ голосомъ; но сама принимала участіе только въ хоровомъ пѣніи, такъ какъ отъ усиленной игры я очень страдала болью въ груди, и поневолѣ приходилось отказаться отъ этого большого для меня удовольствія. Видя, что я о себѣ не думаю и не обращаю вниманія на совѣты доктора, который все увѣрялъ, что такія усиленныя занятія не останутся безнаказанными, моя подруга ежедневно, съ Нѣмецкимъ постоянствомъ и не смотря ни на какую погоду, заставляла меня гулять по Веймарскому парку. Въ этомъ паркѣ, у Римскаго павильона, красуется старый букъ съ темно-красными листьями. Происхожденіе этого, въ то время еще очень рѣдкаго, дерева, было плодомъ насильственной пересадки его изъ парка герцога Готскаго, съ которымъ герцогъ Эрнстъ Веймарскій соперничалъ. Первый показалъ герцогу Веймарскому, какъ рѣдкость, это молодое, еще только-что посаженное дерево. Вскорости оно исчезло, и герцогъ Готскій, посѣщая Веймарскій паркъ, сейчасъ же узналъ свое дерево, посаженное у Римскаго домика, но, увы, доказать своего права собственности не могъ и только расхохотался надъ находчивостью своего друга, любителя ботаники.

Нашъ пѣвческій кружокъ время отъ времени давалъ концерты съ благотворительною цѣлью. Еженедѣльными нашими собраніями управлялъ нашъ дирижёръ К. Монтагъ, ученикъ Гуммеля, отказавшійся отъ появленія въ публикѣ въ качествѣ піаниста и всецѣло посвятившій себя управленію хоромъ и устройству концертовъ. Наша великая княгиня давала намъ залу для спѣвокъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а членскіе взносы (около рубля въ годъ) употреблялись на покупку музыки и копированіе голосовъ; жалованіе за свои труды нашъ директоръ получалъ изъ собственныхъ суммъ ея высочества. Наша великая княгиня была ко всѣмъ внимательна. Утромъ, въ день концерта, она

почувствовала себя нездоровой. Днемъ я отправилась въ концертную залу, чтобы еще повторить концертъ въ большомъ помѣщеніи, такъ какъ это требуетъ особаго вниманія. Пока я повторяла, ко мнѣ пришелъ Цигезаръ, чтобы отъ имени великой княгини передать мнѣ ея сожалѣніе, что по случаю нездоровья ей придется лишиться удовольствія присутствовать на концертѣ. Это доказываетъ, какое живое участіе она принимала во всемъ, окружающемъ ее, и съ какимъ интересомъ и гордостью она слѣдила за талантами, исходящими изъ Веймара.

Когда я бывала въ Эрфуртѣ, я никогда не пропускала случая посѣтить садъ Г. Гаагена, гдѣ особенное удовольствіе доставляло мнѣ видѣть его коллекціи орхидей, кактусовъ и всякихъ другихъ растеній. Я съ дѣтства страстно любила цвѣты и не совершала ни одной загородной прогулки безъ того, чтобы не принести домой всевозможныхъ цвѣтовъ. Одна бѣдная женщина изъ Іены, спеціально занимавшаяся сборомъ Нѣмецкой флоры, каждую Субботу приносила моему старшему брату, который съ особеннымъ увлеченіемъ занимался ботаникой, тѣ свѣжіе цвѣты, которые распускались въ теченіе недѣли. Къ каждому изъ нихъ былъ прикрѣпленъ печатный ярлычекъ съ Латинскимъ и Нѣмецкимъ его названіями, и обозначеніе классификаціи его по Линнею. За все это удовольствіе получатели платили ей по 50 коп. за три мѣсяца, и она была счастлива возможности такимъ легкимъ образомъ заработать себѣ пропитаніе. Мой братъ составилъ себѣ большой гербарій, и мы имѣли возможность ознакомиться съ названіями цвѣтовъ.

Эта зима ознаменовалась лихорадочнымъ влеченіемъ къ музыкѣ. Ни одного вечера не провела я одна, вечеръ за вечеромъ такъ называемые «Kaffekränzchen» (кофейные вѣночки) гнались одинъ за другимъ, и члены общества, начиная съ эрбгросгерцогини, дружно спѣвались. Фортепіанная игра лежала большей частью на мнѣ, и можно сказать, что съ фортепіано я разставалась только, чтобы ѣсть и пить. Я охотно бралась за все, что могло дать мнѣ возможность основательно познакомиться со многими композиціями. Эрбгросгерцогиня тоже много тогда пѣла, у нея былъ большой и сильный голосъ.

12-го былъ у меня Листъ: сначала занялся пѣвчими, а потомъ далъ мнѣ урокъ. Разговорившись со мной о передачѣ сочиненій Бетховена, онъ сказалъ: «Одна изъ главнѣйшихъ ошибокъ при игрѣ Бетховена заключается въ томъ, что слишкомъ мало вниманія обращаютъ на знаки, которые ни одинъ композиторъ не ставилъ съ такой точностью, какъ онъ. Его crescendo должно быть очень широко (sehr breit), и сочиненія его слѣдуетъ играть, строго раздѣляя ихъ на періоды въ 2, 3, 4, 8, 12 и т. д. тактовъ, смотря по длинѣ мысли. Одна изъ главныхъ особенностей Бетховена состоитъ въ томъ, что у него часто

вслѣдъ за очень продолжительнымъ (breit) crescendo, доходящимъ до ff, вдругъ появляется pp на основномъ аккордѣ. Эту отмѣтку его по большей части играютъ неправильно, хотя она въ большей или меньшей мѣрѣ встрѣчается почти во всѣхъ его сочиненіяхъ, напримѣръ, въ тріо B-dur. Изо всѣхъ исполнителей Бетховена, которыхъ я слышалъ, Іоахима я считаю лучшимъ. Бетховена считали плохимъ дирижеромъ, по крайней мѣрѣ подчиненные его не любили. Онъ дирижировалъ только по періодамъ, давая тактъ лишь въ началѣ и въ концѣ фразы, будь она въ 1, 2, 4, 8 или 12 и т. д. тактовъ; въ среднихъ же тактахъ онъ не отмѣчалъ такта, такъ какъ они принадлежатъ къ цѣлой фразѣ. Я былъ еще ребенкомъ, когда видѣлъ его дирижирующимъ. Чтобы отмѣтить pp, онъ окончательно исчезалъ подъ пюпитромъ, а когда онъ поднимался все выше и выше, то этимъ изображалъ усиленіе звука. Разъ, когда, въ одномъ концертѣ въ Вѣнѣ, оркестръ и хоръ исполняли его Фантазію, онъ поступилъ иначе, чѣмъ я въ Лоэнгринѣ. Почти въ концѣ Фантазіи онъ замѣтилъ, что гобои невѣрно играютъ: онъ идетъ къ своему пюпитру и, къ удивленію Вѣнской публики, говоритъ: «Vom Anfange!» (Начинайте съ начала!)»

Между прочимъ Листъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Венгріи среди Цыганъ, у которыхъ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ цѣлью изучить особенности ихъ музыки. «Сначала меня преслѣдовало множество Цыганъ, которые приносили мнѣ свои мелодіи; подъ конецъ въ Пештѣ я не зналъ, какъ отъ нихъ освободиться. Поэтому я охотно принялъ приглашеніе одного пріятеля, который звалъ меня погостить у него въ имѣніи. Но и это мнѣ не помогло: съ полсотни Цыганъ послѣдовало за мною. Въ теченіе трехъ недѣль мы днемъ и ночью были окружены ими и кутили (haben gezecht) такъ, какъ никогда больше не хотѣлъ бы я испытать. Цыгане остались моими друзьями и, когда я пріѣзжаю въ Вѣну, всѣ выдающіяся Цыганскія труппы устраиваютъ мнѣ серенаду. Это совсѣмъ особенные молодцы (originale Kerls), которыхъ я очень люблю».

16-го Февраля дано было первое представленіе «Летучаго Голландца» въ присутствіи многихъ именитыхъ и царствующихъ лицъ, собравшихся лично поздравить великую княгиню со днемъ ея рожденія. Сюда пріѣхали: герцоги Готскій и Мекленбургъ-Шверинскій съ женой, принцъ Карлъ Прусскій, эрбъ-принцъ Мейнингенскій съ женою (принцессою Шарлоттой Прусской), наслѣдный принцъ Фридрихъ Прусскій, князь Зондерсгаузенъ, князь Пюклеръ - Мюскау, генералъ Врангель и другіе. Бывали годы, когда почти всѣ царствующія семьи Германскихъ протестантскихъ государствъ присылали одного изъ своихъ членовъ для привѣтствія нашей великой княгини; всѣ пріѣзжавшіе бывали ея

гостями, и она радушнымъ образомъ ихъ встрѣчала и старалась развлекать. Все гросгерцогское семейство со всѣми наѣхавшими гостями присутствовало у православной обѣдни; ученіе было прервано, городъ и его жители принимали праздничный видъ.

Летучаго Голландца публика приняла тепло и симпатично, но написанный ранѣе Тангейзера и Лоэнгрина, онъ теряетъ въ сравненіи съ ними. Мысль о немъ зародилась у Вагнера во время переѣзда моремъ изъ Риги (гдѣ Вагнеръ занималъ должность дирижера при городскомъ театрѣ) въ Дувръ, при переселеніи его въ Парижъ. Своеобразный характеръ музыки и поэтическій сюжетъ Летучаго Голландца оставляютъ у слушателей высокохудожественное впечатлѣніе.

Весной 1853 г. Вагнеру исполнилось сорокъ лѣтъ. Это былъ человѣкъ въ полной силѣ своего геніальнаго творчества и въ тоже время бѣдствовавшій самымъ отчаяннымъ образомъ. Его нравственныя страданія, какъ изгнанника, тяжелымъ гнетомъ ложились на немъ. Противоположно Листу, онъ потерялъ всякую вѣру и не зналъ, на что опереться. Онъ страшно горевалъ, не имѣя возможности вступить на родную землю. Листу тяжело было видѣть своего друга, лишеннаго единственной поддержки и отрады въ жизни, вѣры, которая одна могла бы заставить его терпѣливо бороться съ тѣмъ положеніемъ, которое, въ пылу своего необдуманнаго увлеченія, Вагнеръ самъ себѣ создалъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Листъ не только не далъ Вагнеру погибнуть подъ политическимъ гнетомъ, но и въ теченіи многихъ лѣтъ спасалъ его отъ голодной смерти, и самъ, какъ геній, предчувствуя геніальную даровитость Вагнера, старался предоставить ему возможность жить и творить его безсмертныя произведенія. Въ 1840 г., по возвращеніи своемъ изъ Риги, Вагнеръ жилъ въ Парижѣ, и глава издательской фирмы Шлезингеръ представилъ его Листу. Это была первая встрѣча двухъ необычайныхъ артистовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи рѣдкими друзьями. Въ 1845 г. Вагнеръ обращается къ Листу съ просьбой не отказать въ содѣйствіи для постановки достойнаго памятника Веберу. Вагнеръ говорилъ, что онъ, бѣдный Нѣмецкій сочинитель оперъ, будетъ работать всю свою жизнь, чтобы распространить свои оперы немного далѣе границъ своей провинціи и слишкомъ ничтоженъ, чтобы создать что-либо особенно великое въ память Вебера и потому умоляетъ Листа взять это дѣло въ свои руки. Въ 1846 г. Вагнеръ познакомилъ Листа со своими партитурами «Ріенци» и «Тангейзера», а въ 1848, послѣ назначенія Листа Веймарскимъ капельмейстеромъ, послалъ ему свою увертюру къ «Фаусту» Гёте. Вагнеръ былъ далеко не финансистъ, нуждался всегда въ деньгахъ и тогда уже обратился къ Листу съ просьбою доставить ему издателя для его трехъ оперъ:

«Ріенци», «Летучій Голландецъ» и «Тангейзеръ», прося за нихъ пять тысячъ талеровъ. Но такого издателя Листъ не нашелъ. Отрывокъ изъ Лоэнгрина первый былъ тогда уже сыгранъ въ концертѣ въ Дрезденѣ 22-го Сентября 1848 г., а Тангейзеръ былъ назначенъ на 24-е. Листъ былъ сильно увлеченъ Тангейзеромъ и, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, интендантомъ Веймарскаго театра Цигезаромъ, выбралъ эту оперу для праздничнаго представленія 16-го Февраля 1849 г., въ день рожденія великой княгини. Всѣ съ безпокойствомъ ожидали, какъ публика отнесется къ первой оперѣ Вагнера, ибо вкусъ публики развивался случайно, безо всякой системы и направленія. Листъ, Цигезаръ и режисеръ Э. Генастъ, извѣстный въ свое время актеръ, соединили свои силы, чтобы добиться безукоризненнаго исполненія оперы. Это представленіе было тріумфомъ для Листа; ему удалось выдвинуть оперу въ свѣтъ, тогда какъ до того Тангейзеръ давался только въ Дрезденѣ и то благодаря Тихачеку, который первый изучилъ главную роль, подъ руководствомъ самого Вагнера; обыкновенные тенора не брались за нее, находя исполненіе ея слишкомъ труднымъ. И въ Веймарѣ, при первомъ представленіи Тангейзера, роль его исполнялъ тотъ же Тихачекъ.

Листъ разсказалъ мнѣ однажды одну прекрасную черту изъ жизни Тихачека, который въ теченіе многихъ лѣтъ былъ украшеніемъ Дрезденской оперы и въ то время считался лучшимъ теноромъ въ Германіи. Вторымъ капельмейстеромъ этой оперы до революціи 1848 г., въ которой, какъ извѣстно, онъ привялъ участіе, былъ Рихардъ Вагнеръ. Исполнять оперы Вагнера на Дрезденской сценѣ возможно было лишь благодаря Тихачеку. Когда лѣтомъ 1853 года Листъ, будучи въ Дрезденѣ, посѣтилъ Тихачека, тотъ показалъ Листу, между висѣвшими на стѣнѣ картинами, портретъ Вагнера, украшенный лавровымъ вѣнкомъ, и сказалъ: «Этотъ человѣкъ причинилъ мнѣ много горя»,— и разразился горькими слезами. Причина ихъ раздора была слѣдующая. Когда Тихачекъ собирался пѣть въ Дрезденѣ Тангейзера, шесть тактовъ въ его партіи написаны были для него слишкомъ высоко, такъ что онъ сомнѣвался въ возможности ихъ исполнить. Вмѣсто того, чтобы ихъ передѣлать, Вагнеръ совершенно отдалился отъ Тихачека, хотя тотъ и былъ однимъ изъ величайшихъ его почитателей и распространителей Вагнеровской музыки. Когда Вагнеръ писалъ свои «Ріенци», «Тангейзера» и «Лоэнгрина», онъ имѣлъ въ виду только голосовыя средства Тихачека. Послѣ одного изъ представленій Тангейзера, Вагнеръ написалъ маленькую брошюрку, въ которой, на трехъ страницахъ, сильно нападалъ на Тихачека. Это была единственная благодарность, которую Тихачекъ получилъ отъ Вагнера, хотя онъ,

не жалѣя своего голоса, пѣлъ «Ріенци» и Тангейзера такъ часто, какъ только угодно было Вагнеру. Появленіе этой брошюры глубоко огорчило Тихачека. Когда вслѣдъ за тѣмъ Листъ посѣтилъ Вагнера въ Швейцаріи и разсказалъ ему о томъ, какъ его портретъ у Тихачека украшенъ лаврами, Вагнеръ объяснялъ свою выходку тѣмъ, что какъ скоро дѣло касается его сочиненій, онъ долженъ оставить въ сторонѣ всякія личныя отношенія. Листъ не могъ вполнѣ согласиться съ подобнымъ объясненіемъ, какъ онъ не соглашался и со многимъ другимъ въ поведеніи Вагнера; но онъ убѣдилъ Вагнера написать Тихачеку, что̀ должно было доставить большую радость сему послѣднему.

Между прочимъ Вагнеръ сказалъ Листу: «Такой исполнитель моего Лоэнгрина, какого я себѣ представляю, еще не родился, такъ какъ изо всѣхъ живыхъ пѣвцовъ я не знаю ни единаго, который бы могъ удовлетворить меня своимъ пѣніемъ».

Хотя Вагнера пригласили присутствовать на первомъ представленіи Тангейзера въ Веймарѣ, но онъ отказался, боясь ошибиться въ своихъ ожиданіяхъ. Онъ разсчитывалъ побывать у Листа въ Маѣ того же 1849 года; но вслѣдствіе одного необдуманнаго поступка Вагнера, политическія смуты, появившіяся тогда въ Германіи, на много лѣтъ разрушили его спокойствіе и самостоятельность. Онъ вынужденъ былъ бѣжать и поселился въ Цюрихѣ. Безъ средствъ, на чужой сторонѣ, подъ гнетомъ своего творческаго генія, Вагнеръ прожилъ 15 лѣтъ, пока не послѣдовало помилованіе со стороны короля Саксонскаго. Вѣрная супруга Вагнера раздѣляла его изгнаніе, но къ счастью дѣтей у нихъ не было. Чтобы укрыться отъ своихъ преслѣдователей, Вагнеръ украдкой явился въ Веймаръ, провелъ инкогнито ночь у друга своего Миллера, получилъ отъ него на время чужой паспортъ и подъ чужимъ именемъ благополучно добрался до Швейцаріи, которая открывала обширный пріютъ политическимъ бѣглецамъ, и откуда онъ надѣялся пробраться во Францію. Но Вагнеръ никогда бы не выдержалъ этого томительнаго изгнанія изъ своего отечества, еслибы не нашелъ сильной поддержки и денежной помощи со стороны своего новаго друга, Листа, который неустанно направлялъ его къ терпѣнью и къ выдержкѣ заслуженной кары.

Когда Вагнеръ, послѣ ночной своей остановки въ Веймарѣ, отправился на желѣзную дорогу, чтобы бѣжать въ Цюрихъ, онъ очутился въ томъ поѣздѣ, въ которомъ наша великая княгиня, въ сопровожденіи гофмаршала Больё-Маркэнэ и Листа, отправлялась, по приглашенію герцога Эрнста, въ Готу, чтобы присутствовать на первомъ представленіи оперы «Diane de Solange». Великой княгинѣ доложили, что Вагнеръ находится въ поѣздѣ, и она приказала его позвать и

представить ей. Никто изъ ѣхавшихъ съ нею и не подозрѣвалъ, что Вагнеръ былъ политическій преступникъ. Великая княгиня вручила ему денежный подарокъ за представленіе Тангейзера. Пріѣхавъ въ Готу, она отправилась во дворецъ, а ея гофмаршалъ вернулся въ залъ перваго класса и, увидя лежавшую на столѣ, только-что вышедшую дневную Готскую газету, бросилъ на нее бѣглый взглядъ, и каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ объявленіе правительства королевства Саксонскаго, требующее немедленнаго арестованія скрывшагося Рихарда Вагнера! Въ то время поѣздъ уже ушелъ изъ Готы.

Въ 1849 г. вся Германія, а Веймаръ въ особенности, праздновала столѣтній юбилей со дня рожденія Гёте (28 Августа). Въ виду близости праздника поэтовъ *), рѣшено было отличить этотъ день первымъ представленіемъ оперы Вагнера «Лоэнгринъ», которую онъ окончилъ въ 1847 году, но которая еще нигдѣ не была играна. Сильная партія, воевавшая противъ Вагнера, писала и всѣми силами распространяла мнѣніе, что, по своей трудности, его опера неисполнима. Но Листъ, не смотря на скромныя средства Веймарскаго театра, счелъ возможнымъ поставить ее и тѣмъ пріобрѣлъ ему честь и славу дать первое представленіе Лоэнгрина въ своихъ стѣнахъ. Въ то время въ музыкальномъ журналѣ Бренделя появилась анонимная статья «Ueber das Judenthum in der Musik», которая сильно взволновала всѣхъ Семитовъ. Эта интересная статья написана Вагнеромъ, который долго сдерживалъ свой справедливый гнѣвъ противъ Еврейскаго господства въ музыкѣ. Вліяніе Мендельсона было еще слишкомъ свѣжо и чувствительно повсюду, и кому не удавалось посвятить себя въ артисты, представившись въ Лейпцигскомъ Gewandhaus, тому лучше было отказаться отъ артистическаго поприща. Въ театрѣ господствовалъ Мейерберъ со своими операми и, благодаря своему блестящему положенію въ свѣтѣ, онъ вытѣснялъ съ театральной арены все и всѣхъ, кто могъ маломальски оттѣнить его и его собратій. Это все дѣлалось съ утонченной любезностью и предупредительностью, но въ ущербъ христіанамъ. Насчетъ Еврейской критики нечего и говорить: благодаря деньгамъ, она господствовала по всей Европѣ. Вагнеръ долженъ былъ себѣ сказать, что его голосъ останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ какъ Семиты, благодаря своимъ богатствамъ, останутся господами и властителями не только въ музыкѣ, но и во всемъ; тѣмъ не менѣе онъ писалъ противъ нихъ для удовлетворенія накипѣвшей у него злобы. Что сказалъ бы Вагнеръ, еслибы, сорокъ лѣтъ спустя, взглянулъ на Петербургскую Консерваторію? Она сдѣлалась очагомъ Семитскаго элемен-

*) 25-го Августа 1850 года открытъ памятникъ Гердеру въ Веймарѣ.

та. Гдѣ же тамъ думать о процвѣтаніи Славянской музыки: ее душатъ въ самомъ зародышѣ.

Другія книги Вагнера: «Oper und Drama» «Niebelungen» «Das Kunstwerk», «Das Zukunft», «Kunst und Revolution». Его племянница Клара Брокгаузенъ писала мнѣ въ 1850 году, что онѣ написаны очень умно, но что многое будетъ непонятно для публики. Она завидовала мнѣ, что я имѣю возможность слышать Веймарскія оперныя представленія. Сама она жила въ Дрезденѣ, гдѣ, по ея словамъ, былъ такой банальный репертуаръ, который стыдно представлять публикѣ, имѣя такихъ первоклассныхъ артистовъ, какіе были въ Дрезденѣ. Давали все комедіи, иногда «Лучію ди Ламермуръ». «Это возмутительно!» писала она; но передъ чужими я не смѣю этого говорить: могутъ подумать, что я такъ говорю изъ пріязни къ моему дядѣ. Во мнѣ все кипитъ, когда я вижу Крэбса или Рейсигера у капельмейстерскаго пюпитра; первый по праву носитъ свою фамилію и все пятится назадъ, а второй смотритъ на управленіе оперой, какъ на работу. Почти никогда опера не идетъ, какъ она должна бы идти: она пришла въ болѣзненное состояніе, и я боюсь, что вскорѣ опера впадетъ въ чахотку. Не моя вина, что прежде, подъ управленіемъ моего дяди, я находила исполненіе оперъ артистическимъ. Недавно поставили «Весталку» Спонтини, дали всего два раза и затѣмъ предали ее забвенію, что̀ вызвало въ Дрезденскомъ журналѣ сильное нападеніе на Крэбса. Я слышала «Ромео» въ Веймарскомъ театрѣ: пѣли плохо, но никогда не слыхала я его такъ хорошо сыграннымъ, въ десять разъ лучше, чѣмъ въ Дрезденѣ. Недавно тамъ давали концертъ, состоявшій исключительно изъ сочиненій Саксонскихъ капельмейстеровъ. Изо всѣхъ вещей только двѣ старыя были удивительно хороши, остальныя всѣ ничтожны. Чудно подѣйствовала на меня увертюра «Эвріанты» Вебера; свѣжесть и красота ея поразили мое сердце, а публика съ восторгомъ требовала повторенія увертюры. Послѣдній номеръ программы была «Пѣснь матросовъ» изъ «Летучаго Голландца» Вагнера. Она была радостно принята публикой, хотя нѣсколько приверженцевъ стараго и личныхъ враговъ Вагнера испускали отдѣльные свистки. Это первый разъ, что исполнили его сочиненіе, со времени его изгнанія. Въ Дрезденѣ желаютъ, чтобы Іоанна Вагнеръ *) пѣла, но она соглашается лишь съ тѣмъ условіемъ, что дадутъ Тангейзера, въ которомъ она поетъ роль Елисаветы».

Лѣтомъ 1853 г. Листъ ѣздилъ въ Цюрихъ повидаться съ Вагнеромъ. По дорогѣ онъ остановился на три дня въ Карлсруэ, чтобы

*) Тоже племянница Вагнера, извѣстная пѣвица.

сдѣлать нужныя приготовленія для музыкальнаго праздника, которымъ ему предстояло дирижировать въ концѣ Августа. Листъ говорилъ мнѣ: «Осмотрѣвъ въ три дня мѣстность и музыкальныя силы, я убѣдился, что нельзя устроить ничего выдающагося и что для того, чтобы изучить что-нибудь, мнѣ придется отправиться туда за двѣ недѣли. Принцъ-регентъ предложилъ выстроить особое помѣщеніе для устройства праздника; я нашелъ это излишнимъ, потому что тогда уже наступитъ холодное время. Сцена въ Карлсруэ будетъ сдѣлана возвышенная; слушателей будетъ около двухъ тысячъ человѣкъ. Пятьсотъ или шестьсотъ участвующихъ будутъ изъ Карлсруэ или изъ Мейнингена».

Окончивъ свои приготовленія въ Карлсруэ, Листъ поѣхалъ въ Цюрихъ. На вокзалѣ его ожидалъ Вагнеръ. Они обнялись, или вѣрнѣе, душили другъ друга отъ радости. Наконецъ, Листъ сказалъ Вагнеру: «У насъ еще будетъ время», обернулся и увидѣлъ, что они окружены людьми, которые съ удивленіемъ на нихъ смотрятъ. Пріѣхавъ въ домъ Вагнера, Листъ раньше всего раскланялся съ его женой. Это была его первая жена, которая, въ самые тяжелые годы его жизни, раздѣляла съ нимъ радость и горе. Это была хорошая Нѣмецкая хозяйка, которая хотя не была такъ развита, какъ вторая его жена (Козима фонъ-Бюловъ, рожденная Листъ), но всѣ родственники Вагнера ее очень хвалили.

Домъ, въ которомъ жилъ Вагнеръ, находился въ очень красивой мѣстности и внутри былъ очень изящно отдѣланъ. На замѣчаніе Листа, что устройство всего дома совершенно аристократично, Вагнеръ отвѣчалъ: «Я такъ люблю». Самъ онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ, и платье его было изъ тончайшаго сукна. «Затѣмъ», продолжалъ мнѣ разсказывать Листъ, «мы отправились въ гостиницу Бауръ (Baur), гдѣ для меня были приготовлены комнаты; но онѣ мнѣ не понравились. Тогда Вагнеръ предложилъ пойти во флигель гостиницы, и тамъ мы нашли комнату съ прелестнымъ видомъ на озеро; въ ней я и поселился. Отель Бауръ нельзя сравнить съ Веймарскими гостинницами Эрбъ-Принца или Russischer Hof. Мы вернулись къ Вагнеру, гдѣ завтракъ, обѣдъ и ужинъ слѣдовали одинъ за другимъ. Такъ какъ это было очень трудно для хозяйки, я предложилъ Вагнеру сдѣлать маленькую экскурсію на Фирвальдштедтское озеро. Хоть я не люблю видовъ, но воспоминаніе о Фирвальдштедтскомъ озерѣ представляется для меня самымъ пріятнымъ: много счастливыхъ часовъ провелъ я тамъ въ обществѣ графини * * * и князя Феликса Лихновскаго. Во время нашихъ странствованій по Фирвальдштатскому озеру, мы съ Вагнеромъ достигли Грётлинга. Швейцарія, гдѣ я прожилъ шесть мѣсяцевъ была мнѣ извѣстна: я когда-то даже взбирался на Монбланъ. Послѣ

двухдневнаго отсутствія мы вернулись въ Цюрихъ, гдѣ меня ожидало извѣстіе о кончинѣ гросгерцога Саксенъ-Веймарскаго Карла Фридриха. Поэтому въ Цюрихѣ я пробылъ только 8 дней и поспѣшилъ обратно въ Веймаръ».

На возвратномъ пути Листъ остановился во Франкфуртѣ. Тамъ онъ видѣлся со скрипачемъ Вьётаномъ, провелъ съ нимъ нѣсколько очень пріятныхъ часовъ и пригласилъ его пріѣхать зимой въ Веймаръ. Онъ также видѣлъ во Франкфуртѣ Карла Леви, салоннаго піаниста и очень посредственнаго композитора изъ Петербурга, которымъ интересовался еще прежде, въ Вѣнѣ. Леви много разказывалъ Листу про Антона Рубинштейна, говоря, что онъ прилежный и старательный артистъ.

Въ Лейпцигѣ Листъ случайно встрѣтился съ Венгерскимъ поэтомъ Роллетомъ, съ которымъ познакомился, когда тотъ проводилъ зиму въ Веймарѣ. Листъ спросилъ Роллета его мнѣнія о Веймарѣ; тотъ отвѣчалъ ему, что больше не восхищается ни Веймаромъ, ни его музыкантами, ни ихъ сочиненіями. Напримѣръ, онъ убѣжденъ, что въ операхъ Вагнера «Тангейзеръ», послѣдній долженъ въ концѣ-концовъ вернуться къ Венерѣ, а не отправляться въ Римъ на богомолье. Такого мнѣнія были многіе; но Листъ, выслушавъ, иронически отвѣчалъ: «Понятно, что такой испорченный человѣкъ, какъ Вагнеръ, не могъ придти къ столь возвышенному заключенію». Листъ находилъ, что повѣствованіе о Тангейзерѣ имѣетъ весьма религіозный характеръ. Не смотря на то, что Вагнеръ не принадлежалъ ни къ одному изъ трехъ вѣроисповѣданій, онъ, самъ того не сознавая, могъ считаться членомъ высшей католической церкви; это направленіе высказывается въ его Тангейзерѣ. Въ Нибелунгахъ видно совсѣмъ другое: это фантазія великаго генія. Свое «Кольцо Нибелунговъ» Вагнеръ напечаталъ, какъ самостоятельную поэму. Слогъ его могучъ и по своей простотѣ и силѣ напоминаетъ народныя былины. Нѣсколько экземпляровъ, присланныхъ Вагнеромъ Листу, ходили изъ рукъ въ руки и читались съ величайшимъ интересомъ. Давно не выходило въ свѣтъ поэмы, которая бы такъ поражала геніальностью плана и поэтичностью разработки.

Въ то время Вагнеръ писалъ «Нибелунги», надъ которыми онъ трудился въ теченіе трехъ лѣтъ.

Какъ другъ Вагнера, Листъ счелъ своимъ долгомъ совершенно откровенно разспросить объ его республиканскихъ взглядахъ. «Я сказалъ ему, что не понимаю, что музыка имѣетъ общаго съ республикой; когда я вижу, что политика не такова, какъ я желалъ бы ее видѣть, то устраняюсь совершенно отъ этого вопроса. Я радъ былъ узнать, что онъ не сочувствуетъ республиканцамъ: его участіе въ ре-

волюціи 1848 г. произошло отъ личной мести тогдашнему королевскому гофъ-интенданту фонъ-Лютихау, который его очень раздражалъ. Э. Реккель, тоже музикъ-директоръ въ Дрезденскомъ театрѣ, руководилъ устройствомъ баррикадъ на улицахъ Дрездена, и онъ уговорилъ Вагнера участвовать въ возстаніи. Вагнеръ не бралъ въ руки никакого оружія и не убилъ ни одной мухи. Революціонный комитетъ послалъ его въ Хемницъ, чтобы взбунтовать тамъ крестьянъ. Это было главное обвиненіе противъ него. Я нахожу, что его наказали слишкомъ строго». Чтобы его простить, отъ него требовали отреченія отъ участія въ революціи; но такой гордый и сильный характеръ, какъ Вагнеръ, не могъ на это рѣшиться. Онъ просилъ позволенія пожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Дрезденѣ, чтобъ услышать своего Лоэнгрина, и Листъ прибавилъ, что это желаніе его было вполнѣ естественно, такъ такъ это дало бы ему возможность судить о своихъ будущихъ работахъ. Нашъ гросъ-герцогъ Карлъ-Александръ Саксенъ-Веймарскій, во время пребыванія своего въ Дрезденѣ, просилъ за Вагнера; но единственнымъ послѣдствіемъ этого было то, что въ газетахъ опять напечатали его портретъ, съ подтвержденіемъ объ изгнаніи. Впослѣдствіи оказалось, что какой-то иностранецъ, съ которымъ Вагнеръ познакомился и видался въ Цюрихѣ, былъ шпіономъ и передавалъ въ Дрезденъ разныя невѣрныя сообщенія, и это было причиной возобновленія преслѣдованія на Вагнера. Между тѣмъ въ Цюрихѣ онъ жилъ очень уединенно и примкнулъ къ партіи консерваторовъ. Это уединеніе было настоящимъ счастьемъ для творческаго генія Вагнера, потому что, еслибы онъ имѣлъ большой кругъ дѣятельности, онъ не могъ бы такъ много творить. Притомъ онъ былъ свободенъ отъ ежедневныхъ заботъ: семейство Риттеръ изъ Петербурга выдавало ему ежегодно 2000 талеровъ, m-me Калерджи—1000 франковъ, и другіе еще также давали ему.

Вагнеръ спросилъ Листа: «Какъ можешь ты жить среди такихъ мелкихъ интересовъ, въ Веймарѣ»?

Поселеніе Листа въ Веймарѣ вызвало у друзей его сомнѣніе, долго ли онъ выдержитъ мелочныя отношенія маленькаго Нѣмецкаго города, который, правда, имѣлъ за собой отжившую блестящую эпоху созвѣздія поэтовъ, когда были Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Виландъ и многіе другіе. Но ихъ жизнь въ Веймарѣ была гораздо понятнѣе, чѣмъ пребываніе тамъ Листа. Они были кабинетные труженики, которые въ Веймарѣ имѣли возможность пополнять свои знанія книгами изъ гросъ-герцогской и Іенской библіотекъ. Нравственно ихъ поддерживали члены Веймарской царствующей семьи, которые по своимъ выдающимся высокимъ качествамъ сердца и ума заняли надлежащее мѣсто въ исто-

ріи. Имена друга Гёте, гросъ-герцога Карла Августа, его матери герцогини Анны Амаліи, его супруги гросъ-герцогини Луизы, и тогда еще молодой, эрбъ-гросъ-герцогини Маріи Павловны, тѣсно связаны съ интеллигентной жизнью въ Сальскихъ Аѳинахъ, какъ прозвали Веймаръ. Совсѣмъ уже другое было, когда въ 1848 году Листъ тамъ поселился. Великая княгиня Марія Павловна была уже почтенныхъ лѣтъ и поступала вполнѣ сознательно; въ ней уже не было увлеченія молодости, столь необходимаго для поддержанія всякаго новаго явленія: оно стѣснялось ея годами. Сынъ ея гросъ-герцогъ Карлъ Александръ болѣе увлекался произведеніями художниковъ, но, согласно времени и этикету, не стремился къ поддержанію генія, подобнаго Листу, такъ свободно, какъ во время о́но дѣдъ его, который жилъ и работалъ вмѣстѣ съ Гёте. Но Листъ надѣялся, что на почвѣ, пропитанной Нѣмецкой литературой, ему удастся положить въ ней начало къ основательному развитію и преобразованію опернаго дѣла, при содѣйствіи драмъ Вагнера. Онъ не жалѣлъ ни денегъ, поддерживая ими Вагнера, который работая голодалъ, ни утомительныхъ трудовъ, потраченныхъ на борьбу для искорененія музыкальныхъ неурядицъ, и не обращалъ вниманія на всякія дрязги и нападки, сыпавшіяся на него со стороны артистовъ. Словомъ, онъ все переносилъ въ надеждѣ поднять свое любимое искусство, музыку. Въ лицѣ Цигезара онъ нашелъ себѣ достойнаго и вѣрнаго сотрудника; но серьезная болѣзнь глазъ, доведшая его до слѣпоты, заставила Цигезара отказаться отъ дирекціи Веймарскаго театра. Вагнеръ былъ изъ числа тѣхъ, которые съ увѣренностью предсказывали Листу, что Веймаръ готовитъ ему горькій опытъ, и что все, что́ онъ такъ тщательно и благородно насадилъ, зарастетъ плевелами, коль скоро его не станетъ. Но тогда Листъ все еще вѣрилъ, что ему удастся положить основательное начало къ болѣе обширному труду, который распространится и послѣ его смерти. Лично же для себя, Листъ не считалъ время своего пребыванія въ Веймарѣ потеряннымъ. Въ городкѣ тихой и скромной жизни онъ усиленно занялся композиціей.

19-го Марта. Я въ первый разъ слышала оперу Раффа «Король Альфредъ». Выступить съ новой оперой послѣ Вагнера было дѣломъ нелегкимъ. Не говоря уже о «музыкантахъ будущности» (Zukunftmusiker), которые присвоили себѣ взглядъ на оперу по музыкальной драмѣ Вагнера, даже публика стала требовательнѣе, ознакомившимъ съ твореніями Вагнера. Листъ давалъ оперу Раффа для поощренія его таланта и для возбужденія къ дальнѣйшей работѣ. Раффъ мастерски владѣлъ оркестромъ, его инструментація была замѣчательна между всѣми композиторами, такъ что работа его сама собою выдвигалась

впередъ. Но, не смотря на такія выдающіяся заслуги, сравненія съ Вагнеромъ нельзя было допустить: Вагнеръ тогда, какъ и теперь, оставался единственнымъ хозяиномъ высоко-художественныхъ стремленій.

Наканунѣ былъ концертъ, въ которомъ игралъ Клиндвортъ; онъ хорошо игралъ, но меня поразила холодность его игры. Клиндвортъ почти два года прожилъ въ Веймарѣ и занимался у Листа серьезно, какъ его товарищъ Бюловъ. Затѣмъ онъ поступилъ капельмейстеромъ въ Ганноверъ, а затѣмъ поселился въ Лондонѣ, гдѣ его музыкальное образованіе никакъ не могло сойтись съ весьма въ то время патріархальнымъ положеніемъ музыки въ Англіи (существовалъ культъ Мендельсона). Впослѣдствіи онъ поступилъ профессоромъ піанофортной игры въ Москву, гдѣ и понынѣ живетъ.

21-го вечеромъ я была у Листа и видѣла тамъ графа Гарраха (псевдонимъ Эккардта) изъ Вѣны, который игралъ очень хорошо и пріѣхалъ для того, чтобы подвергнуть себя критикѣ Листа, никогда никому не отказывавшаго въ добромъ совѣтѣ. Онъ и въ этотъ вечеръ игралъ и занимался со мною.

Нѣсколько дней спустя, Листъ съѣздилъ въ Лейпцигъ, чтобъ услышать одну изъ пассій, написанныхъ Бахомъ на слова Евангелія для соло, хора и оркестра. Въ Лейпцигѣ давно уже существовалъ обычай ежегодно, въ Великую Пятницу, пѣть въ церкви одну изъ этихъ пассій; повторяя ихъ ежегодно, исполнители сжились съ весьма трудной задачей и исполняли ихъ безукоризненно. Всякій, кто только имѣлъ возможность побывать въ этотъ день въ Лейпцигѣ, не упускалъ случая ихъ послушать, такъ какъ не только въ остальной Германіи, но и вообще вездѣ онѣ исполнялись очень рѣдко. Трудность передачи выпадала главнымъ образомъ на долю хоровъ, которые не вездѣ умѣли усвоить себѣ безукоризненную передачу фугъ Баха, что вообще совсѣмъ нелегкая задача.

1-го Апрѣля въ Лукасъ-ферейнѣ устроены были живыя картины. Обыкновенно старались въ точности передать картины разныхъ художниковъ одной школы, или же посвящали весь вечеръ одному изъ нихъ, напримѣръ Рафаэлю, Мурильо и т. п.; постановкой живыхъ картинъ завѣдывали наши профессоры (живописи) Преллеръ, Мартерштейгъ и т. д. Признаться, я на себѣ испытала, какъ много поучительнаго было въ этихъ вечерахъ. Впослѣдствіи я потеряла возможность ими любоваться: многіе поющіе члены этого общества входили въ составъ моего частнаго хора, и я не могла отказать имъ, когда меня упрашивали хоромъ сопровождать картины. Выборъ подходящихъ для этого недлинныхъ композицій былъ для меня нелегкой задачей, и на разучиванье ихъ уходило немало времени. Такое разбрасыванье сво-

ихъ силъ не всегда приходилось мнѣ по вкусу, но «qui dit *a*, dit *b*», я не любила отказываться быть полезной, и эта лихорадочная жизнь продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Нѣсколько дней спустя, при дворѣ давали любительскій Французскій спектакль *), по случаю дня рожденія эрбгросъ-герцогини; играли члены общества, а главныя роли исполняли Французскій посланникъ и его первый секретарь. Куплеты сопровождала самая легкая Французская музыка изъ разныхъ оперетокъ, и тутъ опять моя милость исполняла роль аккомпанирующей. На эту невеселую задачу я потратила много времени; были репетиціи безъ конца для самой пьесы, въ которой музыкальности не было ни на грошъ. Въ подобныхъ случаяхъ страдала моя музыкальная гордость, а главное моя скупость на время и мое здоровье, которое чувствовало неотразимую усталость.

4-го Мая. Я познакомилась у Листа съ Іосифомъ Венявскимъ, братомъ извѣстнаго скрипача. Онъ былъ піанистъ, игралъ бѣгло и чисто, но далеко отстоялъ отъ своего брата, у котораго въ игрѣ больше техники и жизни. Вскорѣ я слышала его игру въ концертѣ, который давалъ слѣпой флейтистъ Ф. Пауль. Изувѣченные артисты самое грустное явленіе, и нельзя сказать, какое тяжелое впечатлѣніе это производитъ на публику.

15-го Іюня исполнилось двадцать пять лѣтъ царствованія гросъ-герцога Карла Фридриха. Директоръ театра не нашелъ ничего лучшаго, какъ дать, въ день рожденія гросъ-герцога (26-го Іюня), «Индру» Флотова, музыкальное ничтожество, которое не слѣдовало допускать на Веймарскую сцену. Листу это было обидно и больно, но его возраженія противъ допущенія подобной музыкальной безвкусицы не были приняты во вниманіе.

Вскорѣ послѣ своего юбилея гросъ-герпогъ занемогъ. 8-го Іюля въ 4 часа утра съ дворцовой башни раздался унылый колокольный звонъ, извѣщавшій о кончинѣ любимаго всѣми добрѣйшаго гросъ-герцога. Отецъ мой, по желанію великой княгини, отслужилъ заупокойную обѣдню и панихиду въ церкви нашего дома. Мы всѣ Русскіе присутствовали при этомъ богослуженіи. Тѣло покойнаго выставили на одинъ день въ оранжереѣ Бельведерскаго парка. 12-го Іюля перевезли бренные его останки изъ Бельведера по Веймарскому парку прямо къ дверямъ нашей церкви, гдѣ собрались и выстроились всѣ городскія депутаціи и военные чины. По волѣ покойнаго, тѣло его везли по означенному пути къ православной церкви, тамъ отслужена

*) Давали „Клермонъ“ Скриба и „Rêve d'amour“ Дювера и Лозана.

была литія, а затѣмъ шествіе двинулось къ мѣсту вѣчнаго покоя, гдѣ гробъ былъ поставленъ за гробомъ отца покойнаго, великаго герцога Карла Августа, покоившагося между гробами Гёте и Шиллера, которые составляли гордость его царствованія. Въ торжественномъ шествіи принималъ участіе и мой отецъ, но по волѣ великой княгини, во фракѣ съ орденами, даже не въ рясѣ, тогда какъ протестантское и католическое духовенства были въ своихъ духовныхъ облаченіяхъ.

Началось новое царствованіе и, какъ вездѣ это бываетъ, старое отодвинулось назадъ, и новыя лица выступили на первый планъ; одинъ Цигезаръ остался гофмаршаломъ при нашей великой княгинѣ.

Нѣсколько дней по вступленіи на престолъ молодой гросъ-герцогской четы, гросъ-герцогиня Софія назначила меня своей піанисткой, съ 200 талеровъ жалованія; признаться, я очень обрадовалась этому назначенію и была польщена ея выборомъ. Быть можетъ, это былъ первый примѣръ, что Русская поступила на службу Германіи, хотя, понятно, съ разрѣшенія нашего государя, о чемъ позаботилась сама гросъ-герцогиня.

Въ концѣ лѣта въ Веймаръ пріѣхалъ Варнгагенъ-фонъ-Энзе. Онъ былъ у насъ вмѣстѣ съ племянницей своей Людмилой Ассингъ. Она, болѣе, чѣмъ онъ, во всемъ осталась вѣрна своему Еврейскому происхожденію и производила очень несимпатичное впечатлѣніе. Гросъ-герцогъ, знавшій Варнгагена еще прежде, принялъ его самымъ любезнымъ образомъ, и вообще все дѣлалось, чтобы пребываніе въ Веймарѣ было ему пріятно. Веймарскій дворъ всегда отличался гостепріимствомъ и предупредительностью по отношенію каждаго, даже изъ мало еще извѣстныхъ писателей, художниковъ или артистовъ. Варнгагена желали отличить не только лично ради него, но и ради того, что имя его было тѣсно связано съ именемъ умершей жены его, Рахили (Rachel), которая была извѣстна своей красотой и умомъ, и въ скромномъ помѣщеніи у которой въ Берлинѣ собиралось все, что было въ Германіи выдающагося по уму, таланту, или общественному положенію. Варнгагенъ сталъ извѣстенъ, благодаря ей, такъ какъ самъ, будучи мелоченъ и злобенъ, никогда бы не могъ одинъ выдвинуться на столько впередъ. Изданная по смерти ея обширная ея переписка свидѣтельствуетъ о томъ, какое она была исключительное явленіе и какое удивительное положеніе она занимала.

28-го Августа, въ день рожденія Гёте, назначена была послѣ богослуженія присяга великому герцогу. Къ этому дню Листъ написалъ маршъ, а Раффъ—для церковнаго торжества мотету, которую по его просьбѣ, пропѣли. Она была исполнена до пѣнія псалма и до проповѣди, которую сказалъ Диттенбергъ, съ той каѳедры, съ которой

Гердеръ, Рёръ и многіе другіе поучали евангельскимъ словомъ и возвышали души молящихся.

17-го Сентября. Видѣла Листа, который на одинъ день вернулся въ Веймаръ изъ Карлсбада и въ туже ночь уѣхалъ въ Карлсруэ, на готовившійся тамъ праздникъ. Листъ разсказывалъ, что въ Карлсбадѣ, кромѣ лѣченія, онъ пользовался развлеченіями, которыя встрѣчаются на водахъ: онъ нашелъ тамъ городской оркестръ І. Лабицкаго, который много лѣтъ тамъ дѣйствовалъ, развлекая наѣзжавшую больную публику. Въ Австріи вообще на водахъ встрѣчаются отличные частные оркестры, составленные большей частью изъ музыкальныхъ Чеховъ и другихъ Славянъ, или же изъ Венгерскихъ Цыганъ. Лабицкій своими вальсами одно время соперничалъ съ вальсами І. Штрауса (отца); но сочиненія его по тонкости, изяществу и граціозности не могутъ сравниться съ музыкой Штрауса.

Ровно восемь мѣсяцевъ Листъ не входилъ въ Веймарскій оркестръ, но его любовь къ произведеніямъ его друга Вагнера заставила его опять взять въ руки палочку дирижера, и 30-го Октября вечеромъ, при переполненномъ театрѣ, Листъ управлялъ «Летучимъ Голландцемъ». Великогерцогская ложа, по случаю придворнаго траура по великомъ герцогѣ, оставалась неосвѣщенной; но публика восторженно приняла Листа и отлично исполненную оперу, за которой вскорѣ послѣдовало повтореніе Тангейзера и Лоэнгрина.

Листъ былъ въ очень раздраженномъ и угнетенномъ настроеніи духа: дѣло о разводѣ княгини Витгенштейнъ все болѣе и болѣе запутывалось и затягивалось. Надо полагать, что препятствія встрѣчались и поднимались главнымъ образомъ со стороны родственниковъ княгини, которые дѣлали все, чтобы дѣло не кончилось для нея благополучно. Желая забыться, Листъ, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, работалъ безъ устали, избѣгалъ даже видѣться съ кѣмъ бы то ни было; особенно пріѣзжіе надоѣдали ему.

27-го Ноября Листъ дирижировалъ «Вильгельма Телля». До того, изъ политическихъ соображеній, опера эта въ Веймарѣ не давалась; но съ 1848-го года многое измѣнилось, и Меттерниховская политика уже не господствовала по всей Германіи, такъ какъ потеряла главную свою поддержку; народъ сталъ выбиваться изъ рукъ католическаго духовенства, и умственное развитіе свободнѣе двинулось впередъ, такъ что многое нельзя было болѣе скрывать отъ народа, и онъ даже началъ вырабатывать себѣ права, о которыхъ прежде и не мечталъ.

30-го Я была на урокѣ у Листа, который терпѣливо и любезно слушалъ и училъ меня. Не надо полагать, что онъ былъ преподава-

телемъ по обыкновенному покрою: онъ не училъ, какъ нужно играть, какой палецъ ставить, какъ связывать или стаккировать и т. д.; нѣтъ, онъ вселялъ духъ и жизнь въ сыгранную вами вещь; вотъ почему онъ принималъ въ число своихъ учениковъ только тѣхъ, которые уже прошли извѣстную школу. Иногда только, признавая неудобною общепринятую послѣдовательность пальцевъ, онъ указывалъ на выработанную имъ самимъ аппликатуру, напримѣръ: трель съ большимъ и третьимъ пальцемъ, введеніе большого пальца на черныя клавиши и т. д., чего прежде не допускалось. Онъ признавалъ законнымъ то, что было удобоисполнимо, и надо сознаться, что, не смотря на техническую трудность его произведеній, все лежитъ очень удобно для руки; а это не всегда можно сказать о другихъ сочинителяхъ пьесъ для рояля.

7-го Декабря. Урокъ у Листа, который между тѣмъ побывалъ въ Лейпцигѣ и присутствовалъ тамъ на двухъ концертахъ Берліоза, сочиненія котораго, сверхъ всякаго ожиданія и не такъ какъ раньше, очень хорошо приняли въ Gewandhaus'ѣ, я думаю, просто изъ оппозиціи къ Вагнеру, которому классическая почва Лейпцига не поддавалась. Листу было тяжело и больно, что, будучи въ Лейпцигѣ, онъ ничего не могъ сдѣлать для изданія Вагнеровскихъ партитуръ у братьевъ Гэртель, которые одни, по обширности своего издательскаго дѣла, могли взяться за это. Лично они, быть можетъ, и согласились бы на это тогда еще рискованное дѣло, которое въ случаѣ удачи принесло бы большое вознагражденіе; но въ то время звѣзда Вагнера только что начинала восходить, оппозиція была еще слишкомъ сильна и многочисленна, такъ что, не смотря на все, Листъ получилъ отказъ, и Вагнеръ попрежнему остался лишь съ тѣмъ, что отдѣльныя личности для него дѣлали, съ цѣлью дать ему возможность продолжать работать.

Въ началѣ 1854-го года Листъ переложилъ для рояля 9 отрывковъ Лоэнгрина и за эту работу получилъ отъ Гэртеля триста рейхсталеровъ, немного болѣе 30-ти рублей за каждый. Интересно было бы знать, сколько чистаго барыша выручила себѣ издательская фирма, такъ какъ пьесы эти играютъ нынѣ по всему свѣту.